

УДК 321.011

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Егоров Владимир Георгиевич

- e-mail: korrka@mail.ru;
доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры политической экономики
и истории экономической науки;
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
109992, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация;
профессор кафедры информационной аналитики
и политических технологий
Московский государственный технический университет
имени Н. Э. Баумана
105005, г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1, Российская Федерация

Абрамов Андрей Вячеславович

- e-mail: abram-off@mail.ru;
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной
политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Егоров В. Г., Абрамов А. В. Государственный суверенитет Российской Федерации во внутриполитическом измерении // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 01.05.2025
- Статья размещена на сайте 12.11.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова

Введение

Суверенитет: теория и современная практика

Информационный суверенитет

Технологический суверенитет

Экономический суверенитет

Цивилизационно-культурный суверенитет

Военно-политический суверенитет

Заключение

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить особенности развития российского суверенитета в современных условиях, произвести внутривнутриполитическое измерение данного феномена.

Процедуры и методы. На основании политологического анализа современной ситуации рассмотрена эволюция российского суверенитета, охарактеризованы его основные виды. Рассмотрен спектр мнений российских и зарубежных исследователей по проблемам современного состояния суверенитета в Российской Федерации.

Результаты. Показана сложность и структурированность суверенитета, выделены его виды, интегрированные в системную сущность его качества. Особое внимание в статье уделено инновационным чертам суверенитета, вызванным к жизни турбулентностью современного переходного этапа развития человечества. Анализ российского суверенитета дополнен характеристикой актуального политологического дискурса и его отражения в текущей российской повестке.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования представляют интерес для изучения современной российской политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

суверенитет, Российская Федерация, информационный суверенитет, технологический суверенитет, экономический суверенитет, цивилизационно-культурный суверенитет, военно-политический суверенитет

ВВЕДЕНИЕ

События, последовавшие за началом Специальной военной операции России на Украине, прежде всего введённый Западом в отношении нашей страны беспрецедентный санкционный режим, попытки отмены достижений российской культуры и спорта, информационная война и т. п., стимулировали интерес российских исследователей к проблеме государственного суверенитета. Исследования указанной темы, осуществлявшиеся ранее преимущественно во внешнеполитическом аспекте, претерпели существенные изменения. Внимание исследователей оказалось сосредоточено на исследовании внутривнутриполитических вопросов, без решения которых в современных условиях невозможно сохранение самостоятельности государства [1; 6; 8; 15].

В соответствии с этим целью настоящего исследования является анализ актуальных политических вызовов и угроз, без ответа на которые невозможны проведение независимого внешнеполитического курса и самостоятельное позиционирование России на международной арене.

Методологической основой исследования выступают политологический анализ современной ситуации, через призму которого рассмотрена эволюция российского суверенитета и охарактеризованы его основные виды, а также анализ мнений российских и зарубежных исследователей по проблемам современного состояния суверенитета в Российской Федерации.

СУВЕРЕНИТЕТ: ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА

Одной из важнейших черт народа является его суверенная государственность. Статья 3 Конституции России называет многонациональный народ России «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации»¹.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 12.04.2025).

Для прояснения вопроса о народе как носителе суверенитета обратимся к этимологии и истории возникновения понятия. Широкое распространение слово «суверенитет» (от фр. *souveraineté* – верховная власть, верховенство, господство) получило благодаря труду «Шесть книг о государстве» французского юриста Ж. Бодена. Мыслитель выделял такие свойства суверенитета, как: 1. общественный и публичный характер (власть государства распространяется на всё общество и тем отличается, например, от власти в семье); 2. непрерывность (государственная власть функционирует постоянно, а не ограничена каким-либо временным сроком); 3. неограниченность (суверенная власть выше человеческих законов, поскольку сама является их источником); 4. единство и неделимость, обозначающие отсутствие над государственной властью какой-либо вышестоящей инстанции, а также запрет на дробление власти. Ж. Боден считал, что наилучшим образом способна обеспечить суверенитет только абсолютная монархия. Государство, где власть находится в руках небольшой социальной группы (аристократов) или народа, будет нестабильным из-за конфликтов среди правящих [9].

Иначе смотрел на вопрос о суверенитете французский мыслитель Ж-Ж. Руссо. Живший два века спустя, в эпоху, продемонстрировавшую все недостатки абсолютизма, мыслитель отрицательно относился к концентрации всей власти в руках монарха. Оппонируя Бодену, Руссо сформулировал теорию народного суверенитета. В сочинении «Об общественном договоре» французский философ выделил такое свойство суверенитета, как неотчуждаемость. Источником высшей власти, полагал Руссо, является общая воля народа, которая не может быть делегирована кому-либо. Только все граждане, а не отдельные должностные лица, избранные представители или специальные государственные учреждения должны издавать законы, выражающие общие интересы. Исполнителями принятых решений могут быть чиновники или государственные институты, но действовать они должны исключительно в интересах всего народа [7].

Широкое распространение теория народного суверенитета Руссо получила в эпоху Великой Французской революции, став основой многих революционных законов, в том числе и в «Декларации человека и гражданина» (1789 г.). Помимо констатации прав отдельной личности, документ указывал на народ как

единственный источник власти и определял государство как учреждение, установленное «в интересах всех, а не для частной пользы тех, кому она вверена»². Таким образом, права и обязанности каждого и интересы всего общества оказывались неразрывно связанными друг с другом.

Однако невозможность реализовать на практике идею Руссо о всеобщем народном законодательстве была очевидна уже в конце XVIII в. Таким образом, в последующую политическую практику была внедрена лишь часть доктрины Руссо – утверждение о народе как источнике суверенитета (высшей государственной власти). Реализовать задумку философа о всеобщем участии всех граждан в создании законов оказалось технически невозможно ни в одной стране мира.

Любопытно, что аналогом понятию «суверенитет» в России стала категория «самодержавие». Понятие появилось в документах в XV в., когда Русь избавилась от ордынского ига. Великий князь Московский из вассала и данника хана превратился в правителя, который отныне проводит самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику – «сам держит» государство или, говоря западным языком, становится сувереном. Иное значение – синоним неограниченной власти царя (императора) – понятие «самодержавие» приобрело значительно позднее [10].

Сложная структурированность современных государственных образований и их международного правового статуса, дополняемого гуманитарным содержанием, позволяет различать государственный, народный и национальный суверенитеты, видеть международное, внутривнутриполитическое, региональное и даже индивидуальное измерения этого явления [6; 25].

Очевидно, что интересы общества и даже социально ориентированного государства совпадают далеко не полностью, а значит, и наполнение суверенитета в такой описательной оптике выглядит нетождественно. Аспект, связанный с суверенными правами народов и наций, неизбежно включает в проблематику суверенитета как демократии, если таковую понимать как движение к народовластию, народному самоопределению, федерализации и автономизации государственно-территориального устройства. В каждом из перечисленных аспектов обнаружится целый комплекс субсистем суверенитетов, каждая

² Декларация прав человека и гражданина. Ст. 12 // Дилетант: [сайт]. URL: <https://diletant.media/articles/37033615> (дата обращения: 12.01.2025).

из которых является элементом ёмкого понятия научной и политической категории – суверенитет.

Учитывая объективно складывающуюся ситуацию в современном западном мире, где происходит дифференциация сил, агрегирующих основные материальные ресурсы, и гражданского большинства, актуализируется внутреннее противоречие суверенитета. Народ всё более отчуждается от государства, выдавливающего его из публичного политического пространства. В этой связи ничего удивительного нет в том, что, согласно данным Института Гэллага 2023 г., за свою страну готовы сражаться лишь 18% немцев, 19% бельгийцев и 15% граждан Нидерландов³.

Нарастающая напряжённость межэтнических противоречий в мире свидетельствует о значимости, деликатности и чрезвычайной сложности проблем федерализации и автономизации. Перекос в любую крайность ведёт к деструктивным последствиям.

Таким образом, динамика соотношения подсистем государственного, народного и национального суверенитетов не является проблемой тривиальной и обретает всё большую практическую сложность в современной общественной практике и политологической рефлексии.

Развитие суверенитета есть результат единства и борьбы двух противоположных тенденций: с одной стороны, укрепление автономии и независимости составляет жизненно важную сторону усиления государственности, с другой, дальнейшее нарастание мегатренда глобализации как объективного процесса вносит существенные изменения в его качественное содержание, учитывающее взаимосвязанность мира. Построение национального суверенитета в отрыве от обеспечения равных возможностей его укрепления другими государствами становится всё менее релевантным [21].

Представители западной неолиберальной мысли, абсолютизирующие лишь одну сторону противоречия – мировую тенденцию коннективности (связанности) власти мира, – считают, что традиционный институт суверенитета «размывается» [24]. Суверенитет становится мифом, дезавуирующим политическую реальность – структурирование глобального пространства вокруг центров мировой силы, фактически исключающее

³ Карта: Какой процент жителей европейских стран готов сражаться за Родину // Maxim: [сайт]. URL: www.maximonline.ru (дата обращения: 12.04.2025).

самостоятельность слабых «игроков» [19]. «Очевидно, – пишет Ф. Сниман, – что на международном уровне наблюдается значительный отход от классической идеи суверенитета как абсолютной и неограниченной. Однако эта эволюция всё ещё продолжается, и её конечным результатом может стать полный упадок национального государства в том виде, в каком мы его знаем сегодня» [24, р. 28].

Позитивно оценивают «конец суверенитета» сторонники теории постмодерна. По их мнению, приближающийся «конец истории» и универсализация глобального пространства как мира, «состоящего из либеральных демократий», ведут к ликвидации международных конфликтов и национальных суверенитетов, на смену которым приходит становление «суверенной власти в глобальном масштабе» [12; 20].

Итак, подведём некоторые итоги. Во-первых, находящийся в развитии феномен суверенитета, зародившийся и развивавшийся как неотъемлемая сущность национального государства, подвергается влиянию тех же вызовов и новаций, что и «материнская» полития. *Процессы глобализации размывают государственный суверенитет «малых» стран и усиливают полномочия центров мировой силы.*

Во-вторых, дискуссия о суверенитете поставила перед исследователями важный вопрос о соотношении понятий «народный» и «государственный суверенитет». Эти категории не противоположны друг другу, но и не тождественны. В идеале государство выступает формой организации народной жизни, через него народный суверенитет находит своё практическое воплощение. Учреждённые народом органы государственной власти предпринимают конкретные действия, направленные на достижение общих интересов всех граждан. Собственно, в обеспечении всеобщего блага народа и заключается главная функция государства. «Власть... – писал об этом известный российский мыслитель конца XIX – начала XX вв. Л. А. Тихомиров, – порождается общественными силами, стало быть, в известном смысле им подчинена и без их поддержки не может существовать» [11, с. 245].

В-третьих, *государственный суверенитет имеет внутреннее и внешнее измерения.* В первом случае речь идёт о проведении внутренней политики в интересах народа. Внешнее измерение суверенитета обозначает уважение права на проведение самостоятельной политики со стороны других государств, реали-

зацию принципа невмешательства одного государства в дела другого. Резюмируя вышеизложенное, можно определить *суверенитет как способность народа через государство проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, обеспечивая целостность и неприкосновенность своей территории.*

В-четвёртых, в современных условиях материальными основаниями государственного суверенитета служат территория, природные богатства страны, человеческие ресурсы, в совокупности обеспечивающие определённый уровень экономического и военно-политического развития. Большое значение имеют и нематериальные факторы: устойчивость политической системы, способность государства обеспечивать безопасность и правопорядок, сохранять культурно-цивилизационную самобытность народа и др.

В условиях беспрецедентных экономических санкций и внешнеполитического давления на Россию со стороны коллективного Запада вопрос о государственном суверенитете нашей страны получил особую значимость, что актуализирует вопросы обеспечения права российского народа на самостоятельную жизнь и деятельность, т. е. экономический, технологический, военно-политический, информационный, цивилизационно-культурный и другие виды суверенитета.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Глобализация мирового пространства, нарастающая по мере перехода человечества в эпоху постмодерна, актуализирует целый ряд проблем, подвергающих «испытанию» незыблемость представления о суверенитете. Во-первых, и это главное, информация, приходящая на смену материальным активам, в качестве основного источника развития легко преодолевает трансграничные препятствия и повышает, выражаясь словами П. Ханна, «коннективность» современного мира [13]. Всеобщая природа информации является серьёзным вызовом одному из «столпов» суверенитета – незыблемости государственных границ и создаёт всё более очевидные риски для верховенства политической власти.

Информация и совершенные технологии её распространения становятся фактором социально-политической консолидации, сила которого не уступает, а по большей части превосходит эффективность традиционных форм сотрудничества:

союзов, альянсов, партий. Не в полной мере контролируемая властью, информация способна активно влиять, в том числе деструктивно, на все институты государственности.

Именно поэтому в научный оборот вполне оправданно входит концепция *информационного суверенитета* [1]. В отечественной политологии утверждается определение, согласно которому информационный суверенитет есть *способность государства генерировать, распределять, контролировать потребление и использовать информацию в национальных интересах как ресурс политического влияния*.

В силу всеобщности природы информационной составляющей этот суверенитет реализуется особенно сложно. В России суверенитет этой важной сферы обеспечивается комплексом законодательных актов⁴.

В теоретическом плане проблема концептуализации суверенитета в информационной пространстве связана с трудностями, проистекающими от невозможности его локализации на внешнее и внутреннее.

Отсутствие непосредственной связи информации с естественно-географической средой затрудняет определение пространства обеспечения суверенитета. Так, достижение информационной безопасности России предполагает купирование не только негативного влияния внутри страны, но и трансграничного потока информации, направленного на дестабилизацию ситуации в стране.

Другим важным аспектом проблемы является сама процедура властвования в информационной сфере, или содержание

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи”» [Электронный ресурс]. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=58851> (дата обращения: 24.04.2025); Внесённые Правительством Российской Федерации 06.12.2016 проекты федеральных законов: №47571-7 «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/{Spravka}&OpenAgent&RN=47579-7> (дата обращения: 24.04.2025); №47579-7 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/{Spravka}&OpenAgent&RN=47579-7> (дата обращения: 24.04.2025); №47591-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. URL: <https://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/{Spravka}&OpenAgent&RN=47591-7> (дата обращения: 24.04.2025).

деятельности власти, обеспечивающей суверенитет. Как показывает опыт, методы, ограничивающие потоки информации, малоэффективны и должны сопровождаться деятельностью государственных структур по обретению субъектности в информационном пространстве и распространению влияния внутри его пределов.

В силу инновационной природы информации «независимость» как атрибут суверенности не может трактоваться абсолютно в силу того, что коммуникационная связанность мира приобрела устойчивый и необратимый характер. Помимо этого, накопление информации является важным ресурсом развития. Неслучайно в этой связи отмечается различие в отношении информационных потоков, поступающих извне развивающихся и развитых стран. Если развивающиеся государства сосредоточены на ограничении потоков информации в целях обеспечения национальной безопасности, то развитые, напротив, проявляют заинтересованность в их расширении [17, р. 267]. Отмеченное противоречие характерно для научной дискуссии относительно конструктивности интернета, являющегося, как известно, технологией, контролируемой США. В представлении западных политологов, опасения, связанные с распространением интернета, характерны исключительно для представителей «авторитарных режимов». Однако на самом деле такие утверждения не имеют адекватного основания и не согласуются с требованием авторитетных специалистов перевести интернет в международную юрисдикцию [22; 23].

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Не менее важным условием современности, наполняющим новеллой традиционное содержание суверенитета, становится императив нового технологического уклада, достижение которого есть наряду с необходимостью решения проблемы национального экономического развития веление времени, связанное по большому счёту с выживанием человечества. В рамках существующего технологического уклада планетарная цивилизация движется к тупику, достижение которого будет сопровождаться политическими и социально-экономическими катаклизмами, способными если не уничтожить человечество, то отбросить его назад в своём развитии.

Очевидно, что страны, не обладающие возможностью интегрироваться в грядущий технологический мейнстрим, будут вынуждены обеспечивать своё существование, добровольно интегрируясь в альянсы с носителями научно-технического прогресса, жертвуя или делегируя им часть своего суверенитета. По данным ЮНКТАД, совокупная рыночная стоимость инновационных технологий в мире в 2020 г. составила 1,5 трлн долл. США, а к 2030 г. достигнет 9,5 трлн долл. США⁵.

Российским Агентством стратегических инициатив дано определение *технологического суверенитета как «способности страны разрабатывать и применять критически важные технологии для обеспечения независимости и конкурентоспособности производства продуктов в ключевых сферах деятельности общества и государства»*⁶.

Более развёрнутое определение понятия содержит «Концепция технологического развития на период до 2030 года», в которой под таковым понимается *«наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы»*⁷.

Дополнительно к сформулированному содержанию в «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» в определении технологического суверенитета сделан акцент на способности создания и применения наукоёмких и критически важных для обеспечения независимости страны технологий⁸.

Определение приоритетных направлений технологического развития России осуществляется в соответствии с принципа-

⁵ Доклад о технологиях и инновациях за 2023 год // ЮНКТАД: [сайт]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2023overview_ru.pdf (дата обращения: 04.04.2025).

⁶ Национальная технологическая инициатива [Электронный ресурс]. URL: <https://ts.nti2035.ru> (дата обращения: 11.04.2025).

⁷ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 №145) // Гарант.ру: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353> (дата обращения: 07.04.2025).

⁸ Проект Федерального закона №632206-8 «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84799.html> (дата обращения: 27.04.2025).

ми, учитывающими удовлетворение жизненно важных потребностей населения, задачи страны и государства, перспективы общественного развития и обеспечение национальных интересов в мире. Согласно Постановлению Правительства от 15 апреля 2023 г., в качестве приоритетных намечены 13 технологических направлений: «авиационная промышленность, автомобилестроение, железнодорожное машиностроение, медицинская промышленность, нефтегазовое машиностроение, сельскохозяйственное машиностроение, специализированное машиностроение, станкоинструментальная промышленность, судостроение, фармацевтика, химическая промышленность, электроника и энергетика»⁹.

Намеченные векторы приоритетного технологического развития ориентированы на реализацию четырёх главных целеполаганий: народосбережение, преодоление территориальной разобщённости страны, обеспечение экономического развития и комфортности жизнедеятельности в суровых климатических условиях (2/3 территории России находится в зоне вечной мерзлоты), независимость и конкурентоспособность российской экономики.

С 2011 по 2022 гг. в России использование передовых производственных технологий суммарно выросло на 40%. Однако на протяжении указанного периода уровень использования таких технологий оставался стабильным и составлял только третью часть общего объёма [15, с. 13].

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Суть *экономического суверенитета* в обобщённом толковании сводится к *обеспечению материальной возможности осуществления власти в пределах государственной границы и независимой внешней политики*.

Экономический суверенитет Российской Федерации реализуется посредством нескольких принципов: независимости федерального центра от субъектов федерации в формировании государственного бюджета и его распределении, самостоятельности формирования фискальной политики, суверенитета над природными ресурсами, разграничения предметов

⁹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 №603 // Правительство России: [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/48272> (дата обращения: 11.04.2025).

ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, субсидиарности решения федеральным центром только вопросов, которые не могут быть решены субъектами РФ¹⁰.

Обеспечение экономического суверенитета как основы государственной власти являлось центральной проблемой, начиная с правителей формирующегося с XV в. централизованного Московского государства. Великий князь Иван III, освобождавший страну от бремени уплаты дани ордынским ханам, царь Иван Грозный, подчинивший Москве лоскутные суверенитеты вотчинников и пополнивший казну ясаком с бывших «диких степей», внесли свою лепту в формирование экономического суверенитета. По мере становления и развития российской государственности нарастало противодействие в выстраивании её суверенности. Так, «политический заказ» польского короля Стефана Батория, направленный против стремления Ивана Грозного обеспечить безопасность западных рубежей страны и выход к Балтийскому побережью, сплотил европейскую антироссийскую коалицию в Ливонской войне [14].

Политический кризис XVII в. в России инициировал появление сонма «желающих» пожить за счёт российского достоинства. События Смутного времени, и в том числе разграбление государственной казны поляками в 1610–1612 гг., поставили суверенитет Московского государства под большое сомнение [5].

В отличие от Запада, российская модернизация осуществлялась по инициативе государства, в интересах государства и имела целью укрепление традиционной государственности. Периодически всплывающее в научной литературе её определение как «догоняющей» в действительности не отражает сущности этого явления. Проблема релевантной оценки российской модернизации заключается далеко не в том, чтобы констатировать отставание процесса индустриализации, но в определении его сущностных черт и целеполагания, ориентированного, кстати говоря, на укрепление экономического суверенитета традиционного государственного устройства, а не на становление буржуазных отношений, как это было на Западе.

¹⁰ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 08.06.2000 №118-О, от 08.06.2000 №165-О, от 19.05.2009 №596-О-О, от 19.01.2010 №87-О-О, от 12.05.2011 №737-О-О, от 05.07.2011 №924-О-О; Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 №20-П; Определения Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 №1447-О-О, от 17.11.2011 №1621-О-О.

Свои революционные преобразования, оцениваемые ответственными историками как первый шаг по пути модернизации, Пётр I осуществлял в рамках незыблемых феодально-крепостнических отношений, а не посредством предпринимательской инициативы. Именно достижение экономического суверенитета являлось главным двигателем петровских преобразований.

Рыночная неадаптивность созданной в России промышленности стала причиной возврата от рынка к государственно-административным методам управления хозяйством при регенерации экономического суверенитета в 1920-е гг.

Советская модернизация, осуществляемая средствами государственного администрирования в ходе политического курса на индустриализацию, имела те же цели укрепления экономического суверенитета, что и петровские преобразования. Директивы XV съезда ВКП(б), провозглашавшего грандиозные задачи промышленного перевооружения страны, явственно свидетельствовали о планах укрепления экономического суверенитета советского государства: «В соответствии с политикой индустриализации страны в первую очередь должно быть усилено производство средств производства, с тем, чтобы рост тяжёлой и лёгкой индустрии, транспорта и сельского хозяйства, то есть предъявляемый с их стороны производственный спрос, был в основном обеспечен внутренним производством промышленности СССР. Наиболее быстрый темп развития должен быть придан тем отраслям тяжёлой индустрии, которые поднимают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР, служат гарантией возможности развития в случае экономической блокады, ослабляют зависимость от капиталистического мира и содействуют преобразованию сельского хозяйства на базе более высокой техники и коллективизации хозяйства. Поэтому особое внимание должно быть обращено на скорейшее осуществление плана электрификации, развитие чёрной и цветной металлургии, в особенности в части качественных металлов, развитие химических производств, в особенности в части производства искусственных удобрений, дальнейшее развёртывание добычи угля, нефти и торфа, общего и сельскохозяйственного машиностроения, судостроения, электропромышленности, золото-платиновой промышленности»¹¹.

¹¹ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 2 декабря – 19 декабря 1927 г. Стенографический отчёт. II. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 1250.

Мобилизационные принципы управления экономикой позволили в исторически короткий срок создать военный потенциал, ставший материальной основой Победы в Великой Отечественной войне.

Приоритет обеспечения экономического суверенитета являлся основным в реализации советских мегапроектов: освоения целины, развития атомной отрасли, большой космической программы, строительства БАМа, подъёма Нечерноземья.

Распад Советского Союза нанёс сокрушительный ущерб экономическому суверенитету России. Мало того, внутри Российской Федерации возникали «малые суверенитеты» как реакция на призыв Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина «брать столько суверенитета, сколько сможете проглотить»¹². Реальный ВВП России в 1995 г. составил 55% от уровня 1985 г.¹³. За 1990–1999 гг. спад промышленного производства составил 56%, сельского хозяйства – 42%. Гособоронзаказ сокращался ежегодно на 50–60%. Общее падение производства в ОПК к 1998 г. характеризовалось показателем в 80%. Оборонные предприятия в 1990-е гг. лишились 2,5 млн работников¹⁴. По поводу суверенитета России этого периода глава государства В. В. Путин заявил: «Россия была в достаточно слабом состоянии. Была зависима от различного рода финансовых инструментов и механизмов, от политических, внутриполитических. В этом смысле можно с сожалением констатировать, что Россия на тот момент утратила значительную часть своего суверенитета»¹⁵.

Лишь к середине первого десятилетия нынешнего столетия состояние экономики позволило приступить к решению задач дальнейшего развития страны. О Программе (2006–2018 гг.) по росту «человеческого капитала» было объявлено 5 сентября 2005 г., а Указ «О национальных целях и стратегических зада-

¹² Борис Ельцин: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» // Ельцин Центр: [сайт]. URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit> (дата обращения: 07.03.2025).

¹³ UNDP. UNDP poverty report, 1998: – UNDP, 1998. UNDP. UNDP poverty report, 2000: – UNDP, 2000.

¹⁴ Россия в 90-е: «оборонка» в глубоком кризисе // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20093085> (дата обращения: 11.04.2025).

¹⁵ Россия в 90-е годы утратила часть суверенитета, заявил Путин // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20211212/rossiya-1763349361.html> (дата обращения: 09.04.2025).

чах развития Российской Федерации на период до 2024 года» вступил в силу с 7 мая 2018 г.¹⁶.

Достижение экономического суверенитета России, пожалуй, с самых ранних этапов государственности было ориентировано на обеспечение национальной безопасности и укрепление обороноспособности. Учитывая остроту проблемы депопуляции населения, впервые в рамках основных программ развития страны были включены проекты, прямо предусматривающие меры, направленные на народосбережение.

В соответствии с Указом Президента России 21 октября 2005 г. был образован Совет при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов (и демографии – в редакции 2006 г.)¹⁷. Приоритетные национальные проекты включали три направления: «Здоровье», «Образование», «Жильё». В соответствии с поставленными задачами на реализацию проектов в бюджете 2006 г. было выделено 134,5 млрд руб. (на здравоохранение – 62,6 млрд руб., образование – 30,8 млрд руб., доступное жильё – 21,9 млрд руб.)¹⁸.

По истечении срока реализации до 2018 г. нацпроектов 7 мая 2018 г. Президент В. В. Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», значительно расширивший спектр стратегических целей развития страны.

Национальные цели развития были определены по трём направлениям: «Человеческий капитал», дополненное помимо «Здравоохранения» и «Образования» разделами «Демография» и «Культура»; «Комфортная среда для жизни», содержащее «Безопасные качественные дороги», «Жильё и городская среда», «Экология»; и программы «Экономического роста», включавшие «Туризм и индустрию гостеприимства», «Науку», «Малое и среднее предпринимательство», «Цифровую экономику», «Производительность труда и поддержку занятости», «Международную кооперацию и экспорт», а также «Комплекс-

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 №204 // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 11.04.2025).

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 21.10.2005 №1226 (в ред. 2010 г.; утратил силу) // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22966> (дата обращения: 11.04.2025); Указ Президента Российской Федерации от 21.10.2005 №1226 (без редакций, утратил силу) // Гарант.ру: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/6194540> (дата обращения: 11.04.2025).

¹⁸ На реализацию четырёх нацпроектов в бюджете 2006 г. было заложено 116 млрд руб.

ный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры». Отдельные виды суверенитета находятся в интерактивной связи, обуславливают статусность и глубину друг друга, составляя, во-первых, целокупность государственного суверенитета, во-вторых, своей неразрывностью и взаимовлиянием создавая системное качество, не сводимое к их простому сложению. Так, созданный для укрепления экономического суверенитета Европейский союз, достигший значительных результатов в этом направлении, оказался в затруднительном положении в плане обеспечения военно-политического суверенитета после ревизии президентом США Д. Трампом курса на евроатлантическое единство. Попытка сохранить американские гарантии безопасности заставляют европейские страны идти на уступки США в тарифной «войне», приносящей большие издержки экономике [18].

По этому поводу М. М. Эспиноза пишет: «Стратегическая автономия обеспечивает убедительные основания решения проблемы снижения зависимости от внешних сил в таких критически важных секторах, как энергетика, оборона и технологии, и позволяет ЕС укрепить свою способность действовать независимо в глобальных отношениях» [18, р. 8].

Яркой чертой современности, характеризующейся обострением конкуренции за ресурсы, неизбежной в эпоху «позднего модерна» и вносящей свой «вклад» в обновление казавшегося незыблемым облика суверенитета, стало новое «издание» проекционизма.

Либеральный порядок рыночного доминирования, появившийся с индустриальной социально-экономической системой, начиная с провозглашения А. Смитом всемогущества «невидимой руки» аксиомой, в актуальной реальности испытывает депривацию. Возникшие в результате оптимизации «относительных затрат» (Д. Рикардо) цепочки производства и поставок, способствовавшие развитию мировой экономической системы, в которой все страны занимали определённые естественными условиями места и роли, разрушаются.

В условиях смены парадигмы цивилизационного развития и роста конкуренции центров мировой силы происходит регенерация доминирующей роли политики, в том числе, в экономике. Политическая конкуренция вновь активно осваивает глобальное экономическое пространство. Западные политические элиты, выросшие на постулатах неприкосновенности ры-

ночных принципов, становятся инициаторами их разрушения. На 1 марта 2025 г. только в отношении России, Ирана, Сирии, КНДР, Мьянмы, Беларуси, Венесуэлы введено почти 38 тыс. рестрикций. Среди стран, подвергшихся санкционным ограничениям, Россия занимает первое место (24387 санкций)¹⁹.

Перенесение политического противоборства в экономическую сферу породило встречную инициацию деятельности государств, обеспечивающую хозяйственную независимость, даже вопреки избыточным тратам ресурсов и трудовых сил. И в прежние времена страны, в полной мере не обладающие всей полнотой материального основания своей государственности, стремились к его формированию, не считаясь с затратами, но в современных условиях материальная состоятельность стала обязательным атрибутом *экономического суверенитета*.

Надежды обрушить экономику России введёнными недружественными странами рестрикциями казались небезосновательными²⁰. На момент их введения (2014 г.) зависимость от импорта составляла в станкостроении – 90%, электронике – 85%, машиностроении для пищевой промышленности – 75%, тяжёлом машиностроении – 70%, медицинской промышленности – 70%, в ИТ и программном обеспечении – 68%, фармацевтике – 65% [8, с. 234]. Однако сегодня можно уверенно констатировать, что ужесточение санкций не только не нанесло «сокрушительного» урона, но, напротив, стимулировало экономическое развитие России и укрепление её суверенитета. К 2023 г. политика импортозамещения принесла ощутимые результаты. Доля несырьевого импорта в конечной продукции превысила 30%-ный барьер лишь в производстве автомобилей, а в информационно-технологической отрасли этот показатель снизился ниже десятипроцентной отметки [3]. Как бы это ни представлялось парадоксальным, санкции стали катализатором развития российской экономики.

Новое звучание в современной реальности получил всегда считавшийся частью традиционной составляющей *экономического финансового суверенитета*.

С конца XV в., когда в общественной практике и общественном сознании доминировал меркантилизм²¹, под финансовым

¹⁹ Количество наложенных санкций к 2025 г. см.: Statebase [Электронный ресурс]. URL: www.statbase.ru (дата обращения: 11.04.2025).

²⁰ Выступая в Конгрессе 20 января 2015 г., Президент США Б. Обама говорил об «изоляции России и её экономике, разорванной в клочья».

²¹ Совокупность представлений, определявших политику государств, обеспечивающую активный торговый баланс и приток драгоценных металлов в национальную экономику.

суверенитетом понималась способность обеспечить устойчивость финансовой системы в интересах национальной экономики и государства. С тех пор ситуация в глобальной экономике изменилась кардинально. Финансовый капитал, преобладающий в эпоху позднего модерна, стремящийся к безграничному, надсуверенному обороту, выходит за пределы реального сектора общественного хозяйства и создаёт виртуальный, постоянно расширяющийся «навес», грозящий обрушить глобальную экономику. Номинированный в резервных валютах и пополняемый деривативами финансовый «пузырь» слабо контролируется национальными властными структурами и создаёт существенные риски, влияя на курсы валют, уровень инфляции и кредитно-денежную систему стран.

Финансиализация мирового капитализма породила финансовый суверенитет. По определению Председателя Банка России Э. С. Набиуллиной, под таковым понимается *устойчивость национальной финансовой системы к «внешним шокам», обеспечиваемая независимой денежно-кредитной политикой*²². Общее понятие Конституционный Суд России дополнил категориями *фискальный суверенитет*²³ и *налоговый суверенитет*²⁴.

С целью минимизации финансовой зависимости страны от влияния извне Банком России осуществляется целый ряд мер. Прежде всего контролируются масштабы финансовых активов, номинированных в валютах недружественных стран, в резервах страны. С этой целью действуют введённые им «Обязательные резервные требования»²⁵.

В 2022 г. россияне сократили свои сбережения в иностранной валюте почти вдвое (до эквивалента 3,8 трлн руб.)²⁶. В этом же году Фонд национального благосостояния был максимально «очищен» от недружественных валют. Уже к июлю 2022 г. доля доллара была снижена с 35% до 0%, фунта стерлингов – с 10% до 5%, доля японской иены осталась на минимальном

²² Эльвира Набиуллина объяснила финансовый суверенитет России // Коммерсант: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5941603> (дата обращения: 12.04.2025).

²³ Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2010 №1572-О-О.

²⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 №757-О-О; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2015 №16-П.

²⁵ Обязательные резервные требования // Банк России: [сайт]. URL: https://cbr.ru/explan/oper_br/reserve_requirements (дата обращения: 22.04.2025).

²⁶ Russia Targets Currencies of Unfriendly Countries by Raising // Bloomberg: [сайт]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-05-15/ukraine-russia-breakthrough-hopes-fade-as-nato-diplomats-meet> (дата обращения: 12.04.2025).

уровне 4,7%. Сохраняющееся незначительное пространство товарообмена с ЕС обусловило некоторое увеличение удельного веса евро (с 35% до 39,7%)²⁷.

Активно вытесняются недружественные валюты из внешнеторгового оборота страны (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1.

Валютная структура расчётов Российской Федерации за экспорт и импорт товаров и услуг (со всеми странами, %) / Settlement Currency Structure of Russian Federation for the export and import of goods and services (with all countries, %)

	2021 г.		2022 г.		2023 г.	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Российский рубль	14,4	28,2	27,7	28,0	39,1	29,9
Валюты дружественных стран	1,0	4,2	8,5	15,4	29,2	35,6
Валюты недружественных стран	84,6	67,6	63,8	56,6	31,8	34,5

Источник: Годовой отчёт Банка России за 2023 г. С 212.

В 2025 г. внешний долг России опустился ниже отметки в 300 млрд долл. США, минимальной за последние 18 лет²⁸.

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Цивилизационная катастрофа, связанная с развалом альтернативной Западу советской социальной системы, породила ложное представление об универсализации мирового пространства. Провозглашённый Ф. Фукуямой «конец истории» послужил началом агрессивной экспансии либерально-демократических принципов общежития. Понимая пагубность либерально-демократической экспансии, госсекретарь США

²⁷ ФНБ избавляют от «недружественных» валют: чем теперь заполнят «кубышку» // News.ru: [сайт]. URL: <https://news.ru/economics/fnb-izbavlyayut-ot-nedruzhestvennyh-valyut-chem-teper-zapolnyat-kubyshku> (дата обращения: 27.04.2025).

²⁸ Агасиева Т. Внешний долг РФ сократился до минимума за 18 лет // Известия. 2025. 13 мая.

М. Рубио заявил, что «внешнюю политику, подчинённую национальному интересу, можно заменить той, которая обслуживает «либеральный мировой порядок», было не просто фантазией, но опасным заблуждением»²⁹.

Абсолютизация интересов личности привела к поспранию традиционных социальных институтов, а навязанные западные шаблоны общества потребления привели к господству легковесных, а зачастую и вредных предпочтений массовой культуры. Поток «вестернизации» создал реальную угрозу поглощения культурной самобытности незападных социумов.

Наносимый ущерб социокультурной идентичности, продавливаемый (не всегда мирными средствами) универсализм был направлен на размывание естественных духовных скреп и патриотизма народов мира. Осознав пагубность следования стратегии общественного развития, навязанной Западом, большая часть мирового сообщества проявила политическую волю в отстаивании права на самобытное развитие, давшую основание актуальной коннотации суверенитета, связанной с сохранением национальной культурной идентичности, т. е. *цивилизационно-культурному суверенитету*.

Современные политологи отмечают, что даже «малые» государства, не обладающие достаточным потенциалом обеспечения экономического и военно-политического суверенитета и часто добровольно делегирующие его центрам мировой силы, тем не менее стремятся сохранить свою культурно-цивилизационную самость. «Когда угрозы суверенитету ставят под сомнение культурную идентичность, малые государства нарушают свои обязательства в альянсе, и тратят значительные ресурсы на безопасность, даже если они не могут обеспечить самодостаточность» [16].

В силу обострения международной политической ситуации, связанной с угрозой национальной безопасности, для России проблема сохранения самобытности и социокультурной идентичности приобрела жизненно важное значение и закономерно обусловила её лидирующее место в отстаивании новой архитектуры миропорядка, основанного на равноправии и уважении к самобытному развитию всех стран мира.

²⁹ Rubio M. Secretary-Designate Marco Rubio SFRC Confirmation Hearing. Opening Remarks [Электронный ресурс] // United States Senate Committee on Foreign Relations. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/6df93f4b-a83c-89ac-0fac-9b586715afd8/011525_Rubio_Testimony.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

Стремление к отстаиванию фундаментальных основ Российской цивилизации нашло воплощение в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей», в котором к традиционным ценностям отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Традиционными объявлены высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Традиционные ценности рассматриваются как основа общества; их сохранение, укрепление и защита являются стратегическим национальным приоритетом³⁰.

Необходимыми скрепами российского общества в указе определены традиционные религии: христианство, ислам, буддизм, иудаизм, – «являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия». Важно отметить, что, в отличие от других видов суверенитета, суверенитет идентичности не является результатом исключительно политики государства, хотя и обеспечивает стабильность последнего. Наполнение его содержания обусловлено историко-культурным контекстом, формирующим на протяжении длительного периода исторического пути единство нации, народа и структурные «скрепы», тесно связанные с осевыми императивами, обеспечивающими консолидацию этнокультурных и национальных сообществ.

В сложносоставных государственных образованиях, включающих многоэтническое и многоконфессиональное население, совпадение нарративов, определяющих единый этос, представляется жизненно важным императивом. Поддержание «сообщества» с разными или противоположными социокультурными ориентирами исключительно политическими средствами, как правило, не приводит к конструктивному результату. В этой связи совсем не случайно постсоветские центральноазиатские республики после распада СССР ориентирова-

³⁰ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 17.04.2025).

лись на сохранение традиционных тесных связей с Россией, а республики Прибалтики взяли курс на интеграцию в ЕС, более того, в настоящее время проявляют ничем не оправданную агрессивность в отношении нашей страны. Очевидно, что отмеченная разность социетальных оснований являлась глубинной «корневой» причиной современного кризиса на Украине.

Однако было бы явным упрощением представлять политический фактор (в том числе инициируемый извне) совершенно не действенным и не влияющим на условия формирования социокультурной идентичности. Острые события мировой политики говорят об обратном. В актуальной политической реальности стало обычным деление общества, например, на вестернизированную молодёжь, активно обрабатываемую внешними силами посредством сети неправительственных организаций, и на большинство народа, придерживающегося традиционных ценностей.

Архитекторы переформатирования общественного сознания обратили внимание на эффективный механизм влияния, особенно на молодёжь, историческую память, искажение которой способствует формированию «заданных» жизненных ориентиров.

Таким образом, *цивилизационно-культурный суверенитет* есть сложный феномен, обусловленный как объективными, так и субъективными факторами, и представляет собой *способность государства определить и сохранить традиционные культурные ценности, способствующие интеграции социума и сохранению цивилизационной специфики страны.*

Релевантность ориентиров российской власти в этой сфере хорошо иллюстрируют данные социологических исследований.

Согласно данным опроса ВЦИОМ 2023 г., из множества ценностей россияне выделили (по мере значимости) семью (45%), патриотизм (23%), гуманность (17%), национальную культуру и религию (10%)³¹.

Данные ВЦИОМ подтверждаются и другими социологическими службами. Согласно проведённым опросам, большая часть российского населения (88%) считает себя приверженцами традиционных ценностей: доверяют государству, признают авторитет старших, ставят интересы окружающих выше

³¹ ВЦИОМ. Новости: Традиции в эпоху перемен // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 14.04.2025).

собственных, стремятся знать историю своей семьи, страны, считают воинский долг обязательным для мужчин, осуждают сексуальные отклонения, уважают труд (рис. 1).

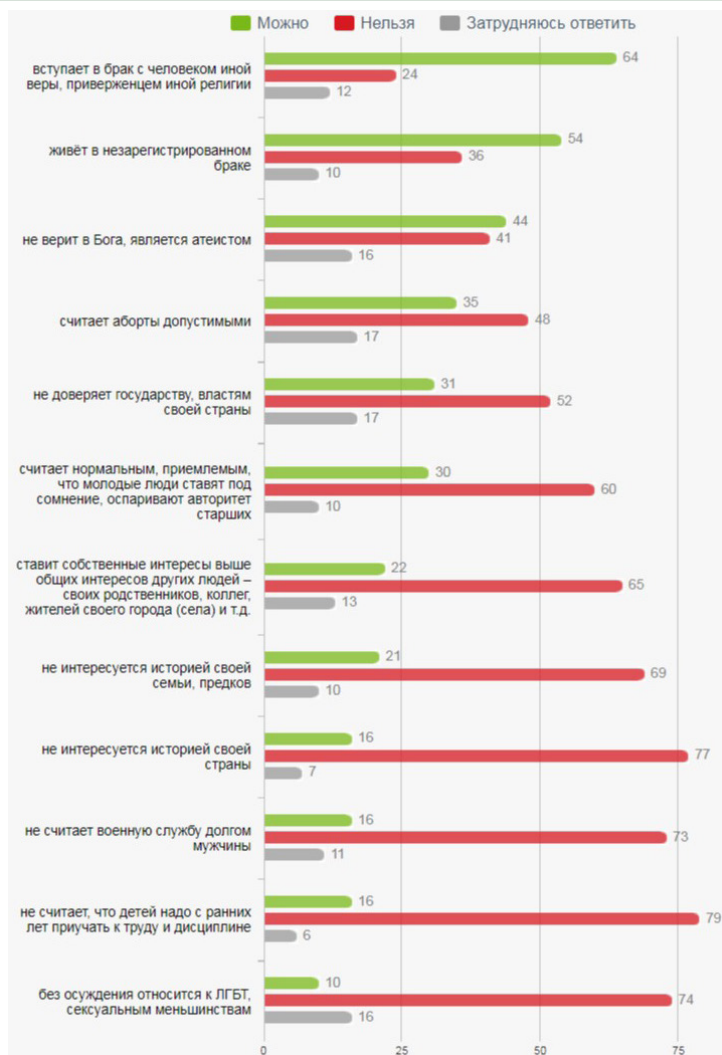

Рис. 1 / Fig. 1. Отношение россиян к ценностям: удельный вес отрицательных и положительных ответов (%) / Russians' attitudes toward values: the proportion of negative and positive responses (%)

Источник: ФОМ. Традиционные ценности в российском обществе (сентябрь 2024 г.) // ФОМ: [сайт]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068> (дата обращения: 17.04.2025).

Анализ социологических данных позволяет сделать вывод, что практически половина россиян считает необходимой активную государственную политику по сохранению традиционных ценностей. При этом четвертая часть принявших участие в опросе считают, что нынешние усилия государства в этом направлении недостаточны³². Несмотря на недостаточную удовлетворённость государственной политикой, таковая уже даёт свои результаты, о чём говорят материалы социологического опроса 4700 подростков (14–17 лет), проведённого в семи субъектах Российской Федерации. В качестве ценностных ориентиров 43,9% молодых людей отметили «патриотизм», 43,1% – «познания», 41,6% – «труд», 34,8% – «гражданственность». 74,1% считают, что «Отечество – малая и большая Родина, которая завещана предками и которую нужно оберегать» [4].

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Сохраняют своё значение и даже набирают более весомое содержание традиционные составляющие суверенитета: оборонная, обеспечивающая национальную безопасность, и экономическая, являющаяся материальным фундаментом собственно властвования. Ещё классик кратологии Бертран де Жувенель говорил о материальной состоятельности власти как условия её «естественного возрастания» [2].

В силу исторических и естественных обстоятельств (наличия природных ресурсов, большого транзитного потенциала и др.) Россия с самых ранних этапов своего существования была вынуждена укреплять обороноспособность и развивать экономику, обеспечивающую нерушимость государства. Надежды на ослабление военно-политического давления на нашу страну в связи с падением «железного занавеса», знаменовавшего непримиримый идеологический раздел мира, не оправдались. Включение в состав Североатлантического альянса стран Восточной Европы и агрессия НАТО 1999 г. против Югославии окончательно развеяли «миф» о миролюбии и добрососедских отношениях с Западом, что потребовало, несмотря на катастрофическое внутреннее положение, огромных усилий Российской Федерации по восстановлению разрушенной в 1990-е гг. обороноспособности страны.

³² ФОМ. Традиционные ценности в российском обществе (сентябрь 2024 г.) // ФОМ: [сайт]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068> (дата обращения: 17.04.2025).

Военно-политический суверенитет государства в современных официальных документах трактуется как *создание научных, технических и технологических компетенций, способных обеспечить безопасность страны при возникновении внешних угроз*³³.

В современных условиях «пересборки» нового миропорядка и геополитической «турбулентности» укрепление военно-политического суверенитета для сохранения независимого развития России возрастает. Планетарные военные расходы в 2024 г. увеличились на 9,4% и на 37% за последнее десятилетие. На каждого жителя планеты приходится рекордные 334 долл. США военных расходов, а доля обороны в мировом ВВП поднялась до 2,5%. Наша страна также вынуждена обременять себя значительными расходами на обеспечение обороны. Военный бюджет РФ по величине занимает третью строчку в мировом рейтинге (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2.

Военные бюджеты крупнейших мировых держав /
 Military budgets of the world's largest powers

Страна	Размер военного бюджета (млрд долл.)	Приоритеты военного бюджета
США	997	Модернизация ядерного оружия, F-35, новые корабли, военная поддержка Украины и Израиля
Китай	314	Сверхзвуковые ракеты, новые стелс-истребители, дроны, рост ядерных сил
Россия	149	Производство ракет и танков, поддержка армии
Германия	88,5	Закупки F-35, производство Leopard 2A8, системы ПВО IRIS-T

Источник: Составлено по: SIPRI YEARBOOK 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2024> (дата обращения: 11.04.2025).

³³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 15.04.2025); Указ Президента от 07.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 15.04.2025).

Обеспечение национальной безопасности России военными средствами – жизненно важная функция государства, о чём свидетельствует нагнетание угроз и рисков в непосредственной близости от её границ. Только с начала 2025 г. объединённые силы НАТО провели: 3 операции воздушных сил, 3 морских учения и 8 сухопутных учений. НАТО не просто «повышает боеготовность». Альянс моделирует полномасштабный конфликт на восточном фланге, отрабатывая переброску войск, авиацию, командные пункты, кибервойну и даже РХБ-защиту. Всё это – в рамках новых региональных планов, принятых после саммита НАТО в Вильнюсе. Цель очевидна: военное противостояние с Россией.

Париж с 22 по 30 апреля 2025 г. развернул крупнейшую за последние годы операцию «Pegase Grand Nord 25», не скрывая, что работает по реальным сценариям ядерного «сдерживания» против России, в которой задействованы шесть истребителей Rafale (в т. ч. ядерные носители ASMP), A330 MRTT, три A400M Atlas³⁴.

В данных условиях Россия вынуждена поддерживать высокий уровень боеготовности, обеспечивать свой военно-политический суверенитет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суверенитет как неотъемлемый атрибут современного государства постоянно наполняется новым внешнеполитическим и внутривнутриполитическим контентом, что, безусловно, свидетельствует об исторической неисчерпанности значения этого феномена и нерелевантности предположений о якобы объективизирующемся мегатренде универсализации глобального цивилизационного пространства, неизбежно стирающего государственные границы и культурное разнообразие.

В этом смысле и суверенитет Российского государства не исключение. Особый смысл его сохранение и приумножение обретают в настоящий переломный этап международных отношений.

«Сегодня, – говорится в специальной публикации МИД РФ, – как это было не раз в истории, вновь решается судьба

³⁴ Defender 25 и Запад-2025: военные учения как зеркало геополитического противостояния // Дзен: [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/aA33-Ex76z6R-vAP> (дата обращения: 01.05.2025).

России, какими будут её место и роль в формирующемся полицентричном мире. Против России, по сути, Западом ведётся война. В качестве тарана Запад использует Украину, всячески вооружая её якобы для защиты от “неспровоцированной агрессии” со стороны России. Это неправда. Россия сегодня ведёт борьбу за право русских говорить на своём языке, ходить в русскую церковь, жить в безопасном окружении, не бояться за будущее своих детей. Россия не могла закрыть глаза на варварское ущемление прав русских и русскоязычных, оказавшихся в результате распада СССР за пределами исконно русских территорий, на свой язык, культуру, обычаи и нравы, которые у них киевский режим попытался отобрать силой»³⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. №1. С. 201–215.
2. Жувенель Б. Власть. Естественная история ее возрастания /пер. с фр. М.: ИРИСЭН, 2010. 544 с.
3. Карпов Д. Зависимость России от импорта промежуточной продукции и внешнеторговые шоки: аналитическая записка // Банк России: [сайт]. [28.06.2023]. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/149496/analytic_note_20230628_dip.pdf (дата обращения: 27.04.2025).
4. Катуржевская О. В., Качурина Т. С. Выявление отношения современного подрастающего поколения к традиционным ценностям // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79-2. С. 129–132.
5. Козляков В. Н. «Перечневый список» разграбленной в 1610–1612 гг. казны Московского государства // Российская история. 2025. №1. С. 34–52.
6. Красинский В. В. Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы // Современное право. 2015. №7. С. 5–10.
7. Кученкова А. В. Народный суверенитет и право на восстание в концепции общественного договора Ж.-Ж. Руссо // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. №4. С. 79–88.

³⁵ Суверенитет России – внутренний стержень для Российского государства в прошлом, он же – фактор динамичного развития в настоящем // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/publikacii-i-oproverzenia/publikatsii/1887228 (дата обращения: 12.04.2025).

8. Ленчук Е. Б. Технологический суверенитет – новый вектор научно-технологической политики России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. №3. С. 232–237.
9. Никитина В. С., Чудаева Е. А. Теория суверенитета Жана Бодена // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2019. №1. С. 129–133.
10. Сафронова Е. В., Каськова Н. В. «Самодержавие», «верховенство» и «суверенитет»: терминологическое соотношение в отечественном государствоведении конца XIX – начала XX в. // Проблемы права. 2014. №4. С. 87–90.
11. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: Айрис-пресс, 2006. 624 с.
12. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2015. 575 с.
13. Ханна П. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации / пер. с англ. Э. Кондуковой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 432 с.
14. Эйльбарт Н. В. Образ Ивана Грозного в европейской пропаганде времён Ливонской войны (на примере поэтических произведений С. Вольфа и Я. Кохановского) // Научный диалог. 2023. Т. 12. №2. С. 509–522.
15. Юрьевич М. А. Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения // Вопросы теоретической экономики. 2023. №4. С. 7–21.
16. Buga M. Conceding or defending sovereignty? Lessons from small states // Small States & Territories. 2025. №8 (1). P. 99–102.
17. Damon L. Freedom of Information versus National Sovereignty The Need for a New Global Forum for the Resolution of Transborder Data Flow Problems // Fordham International Law Journal. 1986. Vol. 10. Iss. 2. P. 262–287.
18. Espinosa M. Strengthening Europe: How Strategic Autonomy Requires a Shift in Sovereignty // IE University IE International Policy Review (IPR). 2025. №1. P. 2–10.
19. Glanville L. The Myth of “Traditional” Sovereignty // International Studies Quarterly. 2013. Vol. 57. Iss. 1. P. 79–90.
20. Hardt M., Nedri A. Empire. Cambridge: Harvard University Press, 2000. 478 p.
21. Khan S. H., All S. The Concept of State Scvereignty in International Law // Asian Social Studies and Applied Research (ASSAR). 2021. Vol. 2. Iss. 4. P. 390–404.
22. Perrit J. The Internet as a Threat to Sovereignty & Thoughts on the Internet's Role in Strengthening National and Global Governance //

Indiana Journal of Global Legal Studies. 1998. Vol. 5. Iss. 2. P. 423–442.

23. Price M. Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and its Challenge to State Power. Cambridge: MIT Press, 2002. 352 p.
24. Snyman F. The evolution of state sovereignty a historical overview // Fundamina. 2006. №12. P. 1–28.
25. Sovereignty in Fragments: The Past, Present and Future of a Contested Concept / ed. K. Hent, Q. Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1–25.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Vladimir G. Egorov

- e-mail: korrka@mail.ru,
Dr. Sci. (Historical Sciences), Dr. Sci. (Economics), Prof.,
Department of Political Economy and History of Economic Science,
Plekhanov Russian University of Economics
Stremyannyi per. 36, Moscow 109992, Russian Federation
Prof., Department of Information Analytics and Political Technologies
Bauman Moscow State Technical University
2-ya Baumanskaya ul. 5/1. Moscow 105005, Russian Federation

Andrey V. Abramov

- e-mail: abram-off@mail.ru,
Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Comparative
Political Science, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Egorov, V. G. & Abramov, A. V. (2025). State Sovereignty of the Russian Federation in the Domestic Political Dimension. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the development features of the Russian sovereignty in modern conditions, to make an internal political measurement of this phenomenon

Methodology. Based on a political analysis of the current situation, the evolution of Russian sovereignty is considered, and its main types are characterized. The range of opinions of Russian and foreign researchers on the problems of the current state of sovereignty is considered.

Results. The complexity and structure of sovereignty is shown, its types integrated into the systemic essence of its quality are highlighted. The article pays special attention to the innovative features of sovereignty brought to life by the turbulence of the modern transitional stage of human

development. The analysis of Russian sovereignty is complemented by a description of the current political science discourse and its reflection in the current Russian agenda.

Research implications. The results of the study are of interest for the study of modern Russian politics.

Keywords

sovereignty, Russian Federation, information sovereignty, technological sovereignty, economic sovereignty, civilizational and cultural sovereignty, military and political sovereignty

References

1. Efremov, A. A. (2017). Formation of the State Information Sovereignty Concept. In: *Law Journal of the Higher School of Economics*, 1, 201–215 (in Russ.).
2. Jouvenel, B. (2010). *Du Pouvoir. Histoire naturelle de sa croissance*. Moscow: IRISEN publ. (in Russ.).
3. Karpov, D. (2023). Russia's Dependence on Intermediate Product Imports and Foreign Trade Shocks. Analytical Note. In: *Bank of Russia*, 28.06.2023. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/149496/analytic_note_20230628_dip.pdf (accessed: 27.04.2025) (in Russ.).
4. Katurzhevskaya, O. V. & Kachurina, T. S. (2023). Identifying Modern Younger Generation's Attitude to Traditional Values. In: *Problems of Modern Pedagogical Education*, 79-2, 129–132 (in Russ.).
5. Kozlyakov, V. N. (2025). "The List" of the Treasury of the Moscow State Plundered in 1610–1612. In: *Russian History*, 1, 34–52 (in Russ.).
6. Krasinsky, V. V. (2015). State Sovereignty: The Epistemological Aspect of the Problem. In: *Modern law*, 7, 5–10 (in Russ.).
7. Kuchenkova, A. V. (2023). Popular Sovereignty and the Right to Rebellion in the Concept of the Social Contract of J.-J. Rousseau. In: *RSUH/RGGU BULLETIN. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies*, 4, 79–88 (in Russ.).
8. Lenchuk, E. B. (2024). Technological Sovereignty as a New Vector of Russia's Scientific and Technological Policy. In: *Journal of the New Economic Association*, 3, 232–237 (in Russ.).
9. Nikitina, V. S. & Chudayeva, E. A. (2019). Jean Bodin's Theory of Sovereignty. In: *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law*, 1, 129–133 (in Russ.).

10. Safronova, E. V. & Kaskova, N. V. (2014). "Autocracy", "Supremacy", and "Sovereignty": Terminological Relationships in Russian Political Science of the Late 19th – Early 20th Centuries. In: *Issues of Law*, 4, 87–90 (in Russ.).
11. Tikhomirov, L. A. (2006). *Monarchist Statehood*. Moscow: Irispress publ. (in Russ.).
12. Fukuyama F. (2015). *The End of History and the Last Man*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
13. Hanna, P. (2019). *Connectography. Mapping the Future of Global Civilization*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber publ. (in Russ.).
14. Eilbart, N. V. (2023). The Image of Ivan the Terrible in European Propaganda during the Livonian War (Based on the Poetic Works of S. Wolf and J. Kochanowski). In: *Scientific Dialogue*, 12 (2), 509–522 (in Russ.).
15. Yuryevich, M. A. (2023). Technological Sovereignty of Russia: Concept, Measurement, Possibility of Achievement. In: *Issues of Economic Theory*, 4, 7–21 (in Russ.).
16. Buga, M. (2025). Conceding or Defending Sovereignty? Lessons from Small States. In: *Small States & Territories*, 8 (1), 99–102.
17. Damon, L. (1986). Freedom of Information versus National Sovereignty: The Need for a New Global Forum for the Resolution of Transborder Data Flow Problems. In: *Fordham International Law Journal*, 10 (2), 262–287.
18. Espinosa, M. (2025). Strengthening Europe: How Strategic Autonomy Requires a Shift in Sovereignty. In: *IE University IE International Policy Review (IPR)*, 1, 2–10.
19. Glanville, L. (2013). The Myth of "Traditional" Sovereignty. In: *International Studies Quarterly*, 57 (1), 79–90.
20. Hardt, M. & Nedri, A. (2000). *Empire*. Cambridge: Harvard University Press.
21. Khan, S. H. & All, S. (2021). The Concept of State Sovereignty in International Law. In: *Asian Social Studies and Applied Research (ASSAR)*, 2 (4), 390–404.
22. Perrit, J. (1998). The Internet as a Threat to Sovereignty & Thoughts on the Internet's Role in Strengthening National and Global Governance. In: *Indiana Journal of Global Legal Studies*, 5 (2), 423–442.
23. Price, M. (2002). *Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and its Challenge to State Power*. Cambridge: MIT Press.
24. Snyman, F. (2006). The Evolution of State Sovereignty: A Historical Overview. In: *Fundamina*, 12, 1–28.
25. Hent, K. & Skinner, Q., eds. (2010). *Sovereignty in Fragments: The Past, Present and Future of a Contested Concept*. Cambridge: Cambridge University Press.